

Русский вопрос

Первые русские государства возникали в девятом веке. Имена князей – Рюрика, правившего в Ладоге и Новгороде, или Олега в Киеве – не забыты. Четыреста лет Киевской Руси, ее крещение, ее правители Ярослав Мудрый и Владимир Мономах, оставили яркие страницы еще до трагического оборота истории.

Но в 1223 году монголы разбили русских при Калке, а с 1237 – Батый свершил нашествие, разорили Рязань, победили на реке Сити, разрушили Киев и настало монгольское иго. Оно кончилось в 1480 году при московском князе Иване III. Но крепостная власть сохранялась до 1861 года, и цари правили до 1 марта 1917.

До 1 марта 1917 российская власть проявлялась и в национальном обличии инородцев, и в патриотичной нищете русских. Лев Толстой различал в «Хаджи-Мурате» то и другое. В разных странах власти и народу присущи разные национализмы. Это и национальное государство, признающее людей, живущих на своей традиционной территории, это и жизнь других народов, «вплоть до отделения». В покоренной стране националист – это борец за независимость, за право народа самостоятельно решать социальные проблемы. Чаще это либерал, демократ, как Гарибальди. Но в стране, покоряющей другую, националист – часто фашист, как Муссолини, покорявший эфиопов. Оба – итальянцы, но различие очевидно.

Когда наша армия отступала, когда защищала Сталинград и победила у Прохоровки, рос защитный национализм, звавший к победе. Но освобождение востока Европы обернулось его захватом, а еще в 1939 году при вторжении в Польшу на паях с Гитлером выступал великодержавный русский национализм. Декларации нацизма и коммунизма различаются. Нацисты говорили как шовинисты, а коммунисты сперва как интернационалисты. Об их социальной близости, о том, что нацистская партия Гитлера тоже рабочая и тоже социалистическая, в СССР мало кто официально говорил до 1939, когда был заключен договор о дружбе коммунизма и нацизма. Сближение прервал не идейный разлад, а взаимное недоверие. Когда Гитлер напал на нас, мало кто ждал, что Сталин в национальном вопросе ему уподобится. А уподобился, и большевики пели не «Интернационал», а шовинистский гимн Михалкова.

Якутскую, Татарскую, Башкирскую и другие республики, держали подчиненными союзной Российской. Государство лишило русский народ права на отдельный голос и слышало лишь правящий класс, пусть по преимуществу и русский, но не рядовых русских людей (не говоря уже о рядовых людях других народов), а русской номенклатуры. Не был слышен голос народа, отличавшийся от всесоюзного партийно-государственного.

После войны в автономиях РСФСР младших школьников с первого класса обучали не на родном языке, а на русском, давая русским преимущество. Но крепостные колхозники остались угнетенной частью населения, как при царе. Слово «русский» часто заменяло слово «советский». Но неверно сводить к подчинению русскому народу другие проблемы. Русских не только стесняло бесправие. У них не допускался ни коллективный независимый голос, ни традиционно русское многоголосие, еще порой слышное при царе. За них говорило начальство. А начальство и его воля – не то же самое, что русский народ и его воля.

Тут красные интернационалисты совпали с белыми шовинистами, даром что одни погибали за царя, другие за социализм. Но все за колониальную империю, царскую или социалистическую. Время от времени в национализме винили едва ли не все народы СССР, но крайне редко русский. На поддержку нацистов, некоторыми отрядами украинцев и литовцев, советское государство отвечало обвинением всех украинцев и всех литовцев в предательстве. Но самой крупной из служивших нацизму была русская армия Власова, а русскому народу обвинений в предательстве не бросали.

После Отечественной войны, когда советская империя простирала свои притязания на все материки, лояльный к власти М.Исаковский писал: «Не нужен мне берег турецкий, И Африка мне не нужна». В другом стихотворении, о вернувшемся с войны солдате, не забывшем умершую тем временем жену, он же заметил: «А на груди его светилась Медаль за город Будапешт», явно не окупавшая жертву. В русских душах было не счесть невысказанных бед, принесенных не только войной, но и коллективизацией. Им в утешение и наращивали имперский национализм. Советский режим стал русским империализмом. Он поддерживал посулы всемирного освобождения рабочих, крестьян и всех трудящихся. И лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» прикрывал разрыв советской империи с Марксом, хотя общего с ним, кроме абстрактных лозунгов, уцелело немного.

Коммунисты менялись, ощущая, что советский крепостной порядок, отвергнув капитализм, перешел к тоталитаризму, – честные становились пассивней, корыстные – усердней. Социалистическая утопия обернулась тоталитарной практикой. Коммунисты, привычные решать за других, шли к выселению и дискриминации народов столь же неуклонно как от веры в свободный труд – к Гулагу. В деталях коммунизм расходится с фашизмом или исламским социализмом. Коммунизм не сразу оформился. Но итог одинаков, поскольку тоталитарное единство вошло и в национальную сферу, как и в политику и экономику. Сюзан Зонтаг говорила: «Коммунизм – это фашизм с человеческим лицом». А коммунизм – это фашизм в человеческой маске, которая на наших глазах упала.

В тоталитарном государстве цивилизацию делят на официальную и запрещенную, российскую и эмигрантскую, советскую и диссидентскую, обедняя ее, как целое. Национальное часто трактуют как расовое, твердят «Россия для русских», замалчивая тем самым жизни не вполне русских, по происхождению классиков русской литературы Державина, Жуковского, Фонвизина, Пушкина, Гоголя и других.

Россия тщетно преодолевала навязчивую идею счесть русскими земли, заселенные нерусскими. Советская власть уклонялась от признания национального вопроса социальным. Решить главную постсоветскую задачу – преодолеть тоталитарный режим, мешал рост национальной розни, служившей тоталитаризму. Беда жила в предрассудках, раздувающих мелкие различия биологических и культурных традиций, но и в остром ощущении того, что добрая половина русских зависит от власти. Культурные традиции дополнительные доводы нерусских для устройства государства, но и у русских есть доводы национальной самостоятельности. Кто не хочет «кормить Кавказ», должен дать ему кормиться. Тоталитаризм сводит собственность к административному порядку, при котором нет границы меж общественным строем и деловыми связями, но при капитализме, пока он не монополист, грань все же есть, хоть у нас ее нарушают.

Китайцы скажут, что в России нет русской земли, что она монгольская. То есть, главное – завоевание земли. Высшая российская власть всюду норовит встрять, внушая, что не только в Чечне вся земля русская, но и Крым – лишь два века назад официально татарский, – тоже наш. Но русский мир, – не весь мир. Наряду с италийским, германским, англо-саксонским, французским, испанским, – он тоже входит в старую культуру. Все они, включая русскую, так глубоко переплетены, их взаимовлияния так сильны, что особые претензии, уверения в особой ценности одного среди других, относятся не к делу, а к политике. А русскому миру свойственно не так единство, как многообразие, он часто ближе чужестранным, чем отечественным, как русский балет – итальянскому и французскому, а русская поэзия – немецкой. В русской культуре, как и в других, преобладает не специфически национальное, иначе его бы не переоценивали. И совсем дико воспевать возвышения одного народа над другим.

Власть может объявить свой государственный строй прогрессивным и левым, а может консервативным и правым, но важно тоталитарен он или демократичен. За Сталина голосовали 99.99%, хоть половина избирателей, пострадала от коллективизации и террора и едва ли Сталина любила. В России люди не верят власти, знают, что обманет, но с ней не спорят, помня расправы, и терпят, авось, обойдется. Массовые народные выступления за свободу у нас часто вели к ее ликвидации. Не только Октябрь 1917, но и август 1991, обманул надежды. Помня школу обмана и принуждения, которую народ прошел, не забудем, какая его часть погибла, бежала, спилась, не родилась. Русские – тоже не святые. Чеченская война и «Крым наш!» – позорны. Но большинство русских – зажаты тоталитаризмом, прежде советским, ныне как бы антисоветским, но и тогда, и теперь враждебным свободе.

Чтобы понять Россию надо различать власть и людей. Не только стомилионный народ вынужден огульно бранить самозванных начальников за преступления. Русские начальники сознательно валят свои преступления на всех русских, возбуждая в попираемых – русских, грузинах, украинцах, литовцах, поляках и других, – русофобию. Внушая при этом русскому народу, что без своей преступной власти он обречен. А народ решает по обстоятельствам. Не одним русским приходится так решать. Начавшаяся при феодализме Британская империя, заняв четверть мира, была даже больше Российской, захватившей шестую часть. Но и Британии держать колонии стало дорого, они обогащали правителей, но тормозили развитие. Пришлось в 1776 признать независимость Соединенных Штатов. А в 1949 Ирландия (доминион с 1921), и в 1950 – Индия, праздновали независимость.

Россия тоже развивала военную промышленность и феодальное господство. Но давно миновала пора Ярослава Мудрого и прошли 1917 и 1929 годы. В 1991 году при распаде СССР Украина как и другие союзные республики обрела самостоятельность. Долгое время Россия не решалась лишиться Украину независимости. Но 24 февраля 2022 года пошла против Украины войной.

Поэль Карп
26 февраля 2022 года